

ГАЛИНА ЩЕРБАКОВА

ТРИ ЛЮБВИ

МАШИ

ПЕРЕДРЕЕВОЙ

Галина Щербакова

Три любви Маши Передреевой

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Три любви Маши Передреевой / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

ISBN 978-5-699-35542-6

О чем бы ни писала Щербакова, все ее «истории» воспринимаются очень лично и серьезно. Как будто каждая из них произошла на самом деле: приехала в Москву Маша Передреева за легкими деньгами, а в итоге ребеночка родила, полюбил Ромка одноклассницу Юльку – и вот он, Шекспир! Две враждующих семьи не дают молодым соединиться даже ценой их жизни...

ISBN 978-5-699-35542-6

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Галина Щербакова

Три любви Маши Передреевой

Когда Маша Передреева узнала, сколько *это* стоит в Москве, она не спала всю ночь. Лежала и думала: «Как хорошо, что я прочитала это своими глазами». Нет, действительно, скажи ей кто, так, мол, и так, *за это* дают сто рублей, она бы в лицо плюнула. Сто! Рублей! Да она кончит свое педучилище и будет работать месяц – месяц! – и не получит столыжник. А тут за столько-то там минут... И не балки таскать, не свиней кормить... Взять мать. В райисполкоме – инспектор по культуре. Сто пятьдесят у нее получается с командировочными. Так у нее от командировок – хронический цистит. Удобств же в деревнях никаких. Врач ей сказала: «Ольга Сергеевна! Это вам не шуточки – штаны снимать на морозе. Соображайте своей головой, что вам дороже – здоровье или престиж». Мать считает – престиж: ее весь район знает, без нее ни кино, ни культуры – ничего не было бы. «Я не за деньги работаю! – любит кричать. – Если мы пойдем по меркантильному пути, то неизвестно, куда дойдем...»

– А так – известно? – спрашивает Маша.

Она давно поняла: в матери очень часто кричат обида и бедность. Она доросла до своего жизненного потолка – и все. Хоть тресни! Образование среднетехническое (мать – киномеханик), партийность, правда, длинная: ей сорок три, а в партии она двадцать пять, но она бестолковая, чтобы это умно употребить в дело. В матери много пены, как в огнетушителе: шумит, шумит, а реального результата никакого. Маша смотрит на нее и думает: не дай бог ей такую жизнь. Мужа нет, денег нет, здоровья нет. Вот что есть – квартира. Это правда. Двухкомнатная, с удобствами, на втором этаже, с телефоном. Что да, то да. Мать на квартиру молится. Сама она из барака, Машу водит туда, показывает. Мать там помнят. Все барачные как раз считают не так, как Маша. Они считают: мать многого в жизни добилась. «Да чего там я добилась!» – машет в этих случаях мать, а глаза у нее в этот момент так и играют, так и играют. Ей до зарезу надо, чтоб ей подробно рассказали про ее успех. Люди в бараке простые, идут навстречу. Ну, считай, Оля, сама, говорят они. Квартира твоя, во-первых. Целых две комнаты на двоих, не считая кухни, в которой тоже вполне можно жить, посмотри на нас на всех, и не считая ванной, в которой тоже можно жить, потому что вода ведь есть и на кухне. «Как у Райкина рассуждения», – смеется мать, но довольна при этом очень. Потом добрые барачные люди ставят матери в доблесть и то, что она в чистом ходит, а не вилами и граблями работает.

– А я никакой работой не гнушаюсь, – говорит им мать.

Напоследок ей выдают – исполком. Правда, плохое отношение к нему не скрывают, какими его только словами ни обзывают, но лично мать деликатно обходят. «Ты, Оля, святой человек. Ты не знаешь, какие там бандиты и взяточники». Мать вскидывается: «Как вам не стыдно такими словами!» – а Маша абсолютно согласна. Она даже думает, что и мать согласна, потому что не идиотка же она? Но не для такого примитивного согласия ходит мать в барак... Она идет туда, когда у нее или потроха совсем загноятся, или начальник ей всыплет, или когда с ней, с Машей, поссорится почти что до крови, вот тогда мать надевает свое лучшее платье производства ГДР, цепляет сумку через плечо и идет на родину. И там ей приветливо скажут: «Оленька ты наша! Спасибо, ласточка, что не забываешь... А могла бы ввиду своего положения...» И мать начинает прямо ложками есть свое восхваление, заглушая, заедая обиды на жизнь. Миллион раз слышит одно и то же. И про квартиру, и про чистое. «Это у тебя, Олечка, платье импортное? У нас сроду так не сделают. Говенная ткань, правда, наша лучше, зато крой... А кнопки? Каждая одна в одну». И про то, что исполком – власть. «Ты, Олечка, взятки не берешь, мы знаем... Но как ж ваши берут, это страх божий! Никого не боятся».

Маша мать жалеет и презирает. Иногда больше первое, чаще второе. Когда первое, то мечтает, как отвезет мать в Среднюю Азию, – там, слышала, есть курорт, лечит ее болезнь.

Никаких денег не пожалеет на сухой для матери климат, и чтоб потом никаких командировок – от и до. Когда же случается второе, то думается так: тянет тебя, дуру, в барак, вот и возвращайся туда насовсем. Там у них тоже есть престижные комнаты – в конце коридора, с двумя окнами, даже с маленькой прихожей. Вот и живи там! А я замуж выйду, у меня дети будут, а какой мужчина с тобой под одной крышей уживется? У тебя ведь, кроме слов, что всех мужиков – стрелять, других нету. Ну, постреляешь, дальше что? Хорошо тебе одной с циститом? Или не очень? Как будем голосовать – открыто или тайно? Мать на голосовании чокнулась. Она принципиально за открытое. За, как считает, честное. Когда-то давным-давно мать дошла до какого-то бюллетеня, ее хвалили-нахваливали, а потом оказалось – почти все вычеркнули из списка. Куда ее тогда выбирали? Маша это запомнить не может. Какой-то идиотский комитет... Но мать! Просто рухнула. Маша тут тоже не все понимает. Зачем они так ее хвалили, если хотели вычеркнуть? Представляет себя в такой ситуации, но ее тут же разбирает смех. Никогда никто ее никуда не выдвигал. На каждом собрании с раннего детства у нее спазмы от неудержимого хохота.

– Товарищи! Разрешите собрание считать открытым.

Все. Ее можно выводить. Мать ее таскала к врачам. Нашли нервы и прописали жевать на собраниях жвачку. Сейчас уже наша жвачка есть, а раньше надо было доставать. Мать ездила в область и у кого-то там перекупала... Сейчас Маша все эти смехи переросла. Но воспоминание в народе осталось, и ее не трогают. Сидит в самом конце, сосет леденец там, жвачку и занимается своим делом, переписывает песни. У нее самый полный песенник в училище. Там все. И Пугачева, и Кузьмин, и Минаев, и Агузарова. Сейчас искусство сильное, не то, что раньше, считает Маша. Есть что посмотреть и послушать. Не то что материно время. Столбиком стояли придурки на сцене, руки по швам. Ни одного движения, не то что станцевать чечетку. Вондрачкова как зацокает копытцами, аж дух захватывает. А красивая какая? Голос тоже при ней. Нет, с искусством у нас порядок, еще б не мешали такие, как мать. Самое противное, что матери самой все эти народные хоры тоже рвотный порошок, но она их всюду насаждает, культивирует, поливает... А по телику только хор услышит, щелк на другую программу. И оправдывается: мол, на собаках Павлова доказано – человеку нужно разнообразие.

– Собаки от твоих хоров сдохли бы вообще, – говорит Маша.

Мать кричит, аж синеет. Хорошо, что две комнаты. Всегда можно закрыть дверь и громко включить радио. Советское радио матери не переорать.

* * *

Ну мозги, ну мозги! Маша аж вскочила с кровати. Что только не перемелют! Ведь она другим потрясена, она же об этой статье в газете думает, а повернулось все на мать, на барак. Однажды Маша так и сказала матери: «Ты слишком много занимаешь места в моей жизни». – «То есть?» – заорала мать. Этот ее ор... господи, с любого поворота.

Маша босиком, голая, пошла на кухню, чтобы попить воды. Прошла через материну комнату, та стонала во сне. Маленькая Маша боялась этих стонов, кидалась: «Мама, мамочка!» Получала от нее за то, что будила. Мать потом говорила, что ей ничего такого, чтоб стонать, не снится. Почему же она спит так странно, со всхлипыванием, скрежетом, метаниями? Муж ее, Машин отец, – мать сама об этом говорила – даже бил ее за это. Понять можно, думала Маша. Когда они жили во Дворце культуры в комнате для музыкальных инструментов, Маша ночами мать тоже ненавидела. Не уснешь же от этого у-у-у, а-а-а, о-о-о... Вот и сейчас... Маша во тьме пнула ногой кресло, кресло взвизгнуло, мать всхлипнула, на секунду притихла и пошла по новой.

В кухне у них на стенке висит зеркало, старое. Купили трюмо, а это куда девать? Крутили, вертели, повесили над кухонным столом. Хорошо получилось. Маша встала у плиты, отсюда

себя хорошо в зеркало видно. Фигура у нее, конечно, не современная. У нее и грудь большая, и попа есть, но и талия тоже. Ноги тяжеловатые, но пряменькие-пряменькие, нож между колен не просунешь. Ступня с крутым подъемом, носочек вытянешь – блеск. Кожа у нее хорошая. Но не шелк, а бархат. Белая с розовым оттенком. А когда загар схватится, то так нежно-нежно желтеет. Еще живот у нее красивый. Такой весь овальный с глубоким пупком. На всем теле ни одного прыщика сроду... Конечно, лицо у нее хуже. Рот большой, мясистый, впрочем, некоторым нравится! Накусаешь губы, и не надо помады. Ценно. Вот глаза, правда, небольшие. Долбленные, как говорит бабка, в смысле глубоко сидящие. Но если положить синий тон на веки, а карандашом удлинить уголки на виски, то получается ничего себе разрезик. Египетский. Стильный. Маша много раз думала: а что бы не было косметики, как не было раньше? Мать говорит – обходились пудрой и помадой. Ну, это, может, и не так: кто обходился, а кто и нет. Материны слова на веру брать нельзя. Но сейчас, конечно, все равно много больше. И блеск, и тени, и тушь импортная. В общем, если за собой следить, не пропадешь. Вот что у нее высший класс – волосы. Не сеченые, пышные, как меховая шапка. Ничего с ними не надо делать, носи как есть. Цвет тоже натуральный, называется *helidraun*.

Маша повернулась к зеркалу спиной. Хороший поворот, сексапильный. Нет, и думать нечего. Она стоит *таких*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.